

Анна Гисич,

*учительница английского языка,
г. Чехов, Московская обл.*

**Ситуацию, которую
рассказала учительница
из Чехова, мы попросили
откомментировать нашего
эксперта – Александру
Ершову. Следующим
материалом читайте
её деловые советы
автору этого письма.**

«НА ЧТО Я ИМЕЛА ПРАВО, А НА ЧТО НЕТ?»

История с продолжением

У меня всего семь лет педагогического стажа. Веду английский и немецкий, плюс кружок английского языка. Я не считаю, что это много, и тем более не считаю себя опытным педагогом. Но я кое-что знаю, немного умею, я искренне стремлюсь к совершенству – как в знании иностранных языков, так и в педагогике. Это не похвала себе. Дорога в ад вымощена благими намерениями.

* * *

В этом году у меня образовалась странная группа английского языка – она состоит из двух человек. Дело в том, что платный (но скорее символически) кружок распался: четыре человека поступили в гимназию с углублённым изучением английского языка, а оставшиеся двое попали ко мне.

Один из них, Саша, вообще не делал домашние задания («Мальчик так загружен, столько задают в школе» – так считает мама). Второй, Антон – славный мальчик, но, увы, без каких-либо способностей (всё же очень редко бывает, чтобы мама всю жизнь проработала дворником, а ее ребёнок при этом показывал бы чудеса успеваемости). Вот с этим-то мальчиком Антоном я и попала в очень сложную ситуацию.

Ребята приходили на урок вдвоём. Саша приходил с вечно не сделанными уроками. Антон же, наоборот, много работал и рабо-

тал сам – помочь ему было некому. Хотя на все уроки его сопровождала мама. Зачем – не знаю. Я спокойно отношусь к тому, что родители присутствуют на уроках. Если они знают язык и принимают деятельное участие в занятиях своего чада, то сумеют отследить типичные ошибки и недостатки в работе, а потом исправить их при выполнении домашнего задания. Но мама Антона не знала ни слова по-английски. Цель её присутствия была мне неясна, но я старалась не обращать на это внимания.

Так и жили. Я старалась изо всех сил. Саша хронически не делал уроки (с понимания и разрешения мамы). А путь Антона в освоении английского языка был не менее труден, чем у Ломоносова.

* * *

И вот идёт очередной урок английского. Мальчики делают ошибку в какой-то ерунде, сто раз уже обсуждавшейся и отработанной. Исправляю и даю другое, похожее, задание – опять та же ошибка. Но почему им так весело? Исправляю, снова даю задание на повторение – та же история. Хихиканье, смешки. Призываю к вниманию и работе – теперь уже откровенное веселье.

Возможно, я не обладаю качествами, необходимыми для педагога. Не обладаю ангельским терпением и не могу справиться

с нормальными человеческими реакциями. Возможно, из-за этого гнать меня надо из школы поганой метлой. Но тогда идите и приведите на моё место другого преподавателя двух иностранных языков, который бы хотел работать в школе.

В общем, я не сдержалась. Я сказала, что человек с нормальным восприятием не может веселиться по поводу собственных неудач. Мальчики продолжали смеяться, видимо, уже не в силах остановиться.

Я сказала (дословно), что *сомневаюсь в их душевном здоровье, так как нормальный человек не может делать глупейшую ошибку сто раз и веселиться из-за этого*. Мальчики умирали со смеху.

Я сказала, что мне грустно, ведь я почти обозвала их дураками, а они смеются, хотя должны были бы обидеться. И если бы они обиделись, я бы немедленно извинилась и успокоилась: значит, всё в порядке, они ещё чего-то хотят, к чему-то стремятся... Но мальчики продолжали хохотать.

Я вздохнула, закрыла эту тему и продолжила урок.

Возможно, я была неправа. Возможно, надо было молчать или, по крайней мере, не заходить в своих словах так далеко. Но мне так хотелось пробудить в мальчиках чувство собственного достоинства, желание чего-то добиться в жизни. Возможно, это надо было делать не так. Я услышала в ответ только весёлый смех.

* * *

История получила продолжение через месяц. Я узнала, что мама Антона ищет для своего сына другого учителя. Когда я позвонила ей, чтобы прояснить ситуацию, на меня обрушился поток обвинений. Оказывается, я «оскорбляла» её ребёнка и «вела антихристианское воспитание, пропагандируя гордость и стремление быть первым». После этого, якобы, ребёнок целый месяц ходил ко мне на английский «со слезами», а сама мама была просто «в ужасе» от меня.

На мгновение потеряв дар речи, я попыталась все же объяснить, что есть разница между гордыней и гордостью – чувством собственного достоинства. Что желание быть первым не так уж и порочно, вопрос в том, как оно воплощается в жизнь. Что я очень рада за Антона: ведь он всё же воспринял мои слова, если на меня обижен. Что я готова извиниться.

Бесполезно. Меня не слышали.

Хотелось плакать. Я думала сделать, как лучше. Хотела, чтобы в детях проснулись хоть какие-то эмоции, кроме идиотского смеха. А получилось, что я занималась «оскорблением личности» и «антихристианским воспитанием». Мне осталось только извиниться и попрощаться.

* * *

Потом я недоумевала, что заставило эту маму тихо ненавидеть

меня, но при этом целый месяц водить ко мне на занятия ребёнка. Потом я поняла. Ей просто хотелось, чтобы её ребёнок занимался английским, «не простаивал», пока она тайком ищет ему другого преподавателя (за те же деньги это сделать не так-то легко!). Английский важнее христианского воспитания, так что ли?

Сейчас Антон занимается с другим преподавателем. Ходит кое-как, через раз, успехов не показывает.

Я продолжаю занятия с одним Сашей. Вчера он, кстати, сделал домашнее задание! Полностью! У нас по этому поводу праздник.

Мама Антона со мной не здороваются.

* * *

Меня мучает вопрос – на что я имела право, на что нет?

Что делать: вести урок от корки до корки и во внеучебные дела не лезть? А если влезать, то насколько глубоко? И, наконец, почему они смеялись? Весело было? Или это защитная реакция на мои слова? А, может быть, просто цепная реакция, лёгкая истерия?

Пока эти вопросы без ответа. Может, я найду его в процессе работы, может, внезапно осознаю ситуацию и расставлю все точки над «и». Но сейчас, при воспоминании о мальчике Антоне, на меня накатывает волна тоски и неуверенности.